УДК 8.81-11.114.2

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СИНКРЕТИЧНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА В СТИХАХ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)

А.А. Логачева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации
e-mail: logacheva-anna1980@mail.ru

Н.Л. Ермакова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации
e-mail: nelli.ermakova.1984@mail.ru

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

В статье описаны синкретичные определения на примере романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Являясь неморфологизованными второстепенными членами предложения, несогласованные определения имеют два значения: объектное и обстоятельственное. Цель данной работы – описать структурные и семантические особенности предложно-падежных форм с атрибутивной и обстоятельственной семантикой, а также выявить различные синтаксические отношения в них.

С помощью методов лингвистического наблюдения и описания удалось установить, что предложения с несогласованными определениями употребляются довольно часто в стихотворном тексте А.С. Пушкина. Однако употребление таких синтаксических конструкций в поэтическом произведении имеет свои особенности: функционирование переходных, синкретичных образований. Это обусловлено особенностями языка поэзии (наличием ритма, рифмы, стихотворного размера и т.д.) в сравнении с языком художественной прозы.

Ключевые слова: *второстепенные члены предложения, синкретичные определения, синтаксические отношения, атрибутивная и обстоятельственная семантика, художественный текст.*

Введение

Следуя традициям классического языкознания, в системе членов предложения принято выделять главные и второстепенные. Известно, что к главным членам предложения относят подлежащее и сказуемое, к второстепенным – дополнение, определение и обстоятельство. Такое понимание системы членов предложения находит выражение как в теоретических положениях, так и в методике преподавания русского языка.

Отметим, что разновидности подлежащего и сказуемого определяются по соотнесённости с частями речи. Подлежащее чаще выражено именем существительным или местоимением. Сказуемое в языке, как правило, выражается глаголом, поскольку обозначает действие.

В русском языке к подлежащему и сказуемому задаются определённые вопросы. Подлежащее и сказуемое образуют предикативную основу предложения, которая может быть распространена второстепенными членами. За каждым второстепенным членом предложения закреплено его основное значение. Так, дополнение, выраженное именем существительным в косвенном падеже, вносит в предложение объектное значение *(Я **кончил** первую **главу**)*. Определение согласуется с существительным по типу связи согласование и обозначает признак предмета *(**невольная** преданность)*, обстоятельство – признак признака или признак действия *(Онегин, добрый мой приятель, Родился **на брегах Невы**)*. Этот «способ выражения называется морфологизованным, и соответственно член предложения, представленный ведущим способом, называется морфологизованным второстепенным членом предложения» [Максимов 1989: 214].

В русской синтаксической науке определение описывалось в трудах многих учёных, однако исследователи при квалификации определения как второстепенного члена предложения пытались выделить в качестве доминирующего один критерий: либо структурный, либо семантический [Тихомирова 2011: 6]. Последующие исследования показали, что обозначение одного критерия в качестве главного не всегда оказывается правомерным, поскольку в современном русском языке второстепенные члены предложения могут не выступать в свойственной им синтаксической функции. И здесь мы говорим о явлениях переходности (синкретичных случаях) в системе второстепенных членов предложения. «Переходность – это такое свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними и обусловливая возможность диахронных преобразований» [Бабайцева 2010: 109].

Подчеркнём, что дифференциация типичных и синкретичных случаев среди второстепенных членов предложения позволяет более глубоко их описать с точки зрения структуры и выражения смысловой семантики. Наиболее ярко синкретизм второстепенных членов предложения проявляется в языке лирики. Это объясняется структурными особенностями поэтического текста. В начале XIX века В. фон Гумбольдт обратил внимание на то, что поэтический текст внешне отличается от прозаического. Мысль автора может свободно развиваться, но «поэтическое содержание властно требует для себя и поэтического одеяния…» [Гумбольдт 1984: 183]. Позже эти идеи были развиты другими лингвистами и литературоведами. А.А. Потебня отмечал, что человек познает мир посредством замены образа [Потебня 1990: 16-18]. Но в стихотворной строке слово приобретает дополнительные смыслы благодаря эстетической функции поэтического текста [Мечковская 1994: 22-23].

Также об особенностях поэтического текста писал Ю.М. Лотман. По мнению исследователя, поэтический текст можно сравнить со знаковой системой, которую читателю предстоит расшифровать. Поэтическое произведение подчиняется стихотворному размеру, ритму, рифме и т.д. Поэтический текст имеет сложную структуру, предназначенную для выражения авторского мировосприятия. Познание мира и самого себя осуществляется не только посредством лексики, но и синтаксических конструкций. Структура предложения в поэзии «ломается», но одновременно информативность стихотворного текста возрастает. Это обусловлено тем, что поэтический текст – это «совокупность кодовых систем» [Лотман 1996: 77].

Материалы и методы

Цель настоящей работы – описать особенности выражения синкретичного определения на примере произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Методы лингвистического наблюдения и описания позволяют проанализировать зафиксированные примеры несогласованных определений из художественного текста. Описание структуры и семантики синкретичного определения предполагает реализацию структурно-семантического метода, опирающегося на постулаты классического языкознания, заложенные ещё В.В. Виноградовым. Структурно-семантическое направление ориентировано на описание многоаспектности языковых единиц, явлений переходности и синкретизма. Согласно структурно-семантическому направлению, описание языковых единиц должно одновременно учитывать их структуру и семантику. В этой связи несогласованные определения освещены нами с позиций структурно-семантического направления.

Рассмотрим, как в современном русском языке понимается определение.

Определение – это «второстепенный член предложения со значением признака предмета, поясняет существительное в его различных функциях» [Касаткин 2006: 336]. Определение может быть выражено прилагательным (морфологизованное, согласованное) или именем существительным (неморфологизованное, несогласованное):

Какое ***низкое коварство***
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять… [Пушкин 1995: 336].

Признак выражается именем прилагательным *низкое*. Это согласованное определение, значение признака совпадает с категориальным значением имени прилагательного. Однако в некоторых случаях признак предмета выражается нетипичными словоформами. Определение может быть выражено не именем прилагательным, а именем

существительным в косвенном падеже. В таком случае определение является неморфологизированным:

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора ***надежд и грусти нежной****,*
Monsieur прогнали со двора [Пушкин 1995: 337].

Несогласованные определения *(надежд и грусти)* выражены именами существительными в родительном падеже. Здесь можно задать вопросы: *пора (какая? чего?)*. Семантика второго определения шире за счёт употребления прилагательного *нежной*. Приведенный пример иллюстрирует случай употребления синкретичного определения в предложении. Отметим, что такие случаи широко распространены в поэтическом языке.

В данной статье нами будут описаны примеры предложений из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», подобранные методом сплошной выборки. В качестве объекта исследования мы определили конструкции, в которых можно выделить несогласованные определения.

Изучение языкового материала позволяет говорить о том, что в произведении А.С. Пушкина «Евгений Онегин» встречаются две основные разновидности синкретичного определения: объектное и обстоятельственное. Такие определения выражаются предложно-падежными сочетаниями с предлогами или без них. По структуре синкретичные определения представляют собой неморфологизированные члены предложения:

Быть можно ***дельным человеком***
И думать о красе ногтей… [Пушкин 1995: 344].

Объектное определение *дельным человеком* осложнено свойствами дополнения: *Быть можно (каким? кем?) дельным человеком*. Определяемое слово *человеком* употреблено в творительном падеже и согласуется с прилагательным *дельным*. Это словосочетание можно рассматривать как неделимое. Синкретичное определение выражено предложно-падежной формой.

Обстоятельственные определения отличаются другим способом выражения:

Янтарь ***на трубках Цареграда****,*
Фарфор и бронза ***на столе...*** [Пушкин 1995: 344].

Приведённый пример иллюстрирует случай употребления обстоятельственного определения: *Янтарь (какой? где?) на трубках Цареграда, Фарфор и бронза (какие? где?) на столе*. Обстоятельственные определения выражены предложно-падежными формами с предлогами.

Итак, объектные определения совмещают признаки определения и дополнения, а обстоятельственные определения – свойства определения и обстоятельства. Эти предложно-падежные сочетания отличаются не только

формой выражения, но и семантикой. Семантика несогласованных определений гораздо шире семантики согласованных определений. В стихотворном произведении, стремящемся к выражению авторской оценки и экспрессии, это выражено более явно.

Результаты

Обратимся к анализу языкового материала и опишем, каким образом выражаются объектные и обстоятельственные определения.

В ходе изучения языкового материала удалось установить, что синкретичные определения, осложнённые признаками дополнения, разнообразны по способам выражения:

Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык ***Петрарки и любви*** [Пушкин 1995: 353].

Имена существительные *Петрарки* и *любви* употреблены в форме родительного падежа: *Язык (чей? какой?) Петрарки и любви*. Эти несогласованные определения обозначают **принадлежность**. В речи к таким определениям чаще ставится вопрос *чей*. Реже мы задаём вопрос *какой* [Бабайцева 2011: 285].

В наших выборках отмечены предложения этой семантической группы, в которых несогласованные определения употребляются автором с помощью эмоционально-изобразительного средства инверсии:

Дианы грудь*, ланиты Флоры*
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня [Пушкин 1995: 347].

В приведённом примере для синкретичных определений *ланиты Флоры* и *ножка Терпсихоры* характерен прямой порядок слов. Но словосочетание *Дианы грудь* построено с помощью приёма инверсии. Это обусловлено структурно-семантическими особенностями предложений в поэтическом тексте. Таким образом А.С. Пушкиным создаётся особый поэтический тон повествования. По справедливому замечанию М.А. Тихомировой, «инверсия несогласованных определений способствует смысловому подчёркиванию, усилению атрибутивной характеристики предмета» [Тихомирова 2011: 11].

В некоторых случаях несогласованные определения в поэтическом тексте могут быть выражены личными местоимениями в косвенных падежах:

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль ***об ней*** *одушевила*
Его цевницы первый стон [Пушкин 1995: 365].

От определяемого слова *мысль* можно задать вопросы: *о ком? какая?* (мысль). Местоимение *об ней* стоит в форме предложного падежа. Здесь выражено значение **субъекта действия**. Но такие случаи не являются частотными.

Среди предложно-падежных форм с атрибутивно-объектным значением мы отметили несогласованные определения, обозначающие **предмет, часть которого названа определяемым существительным**:

И отворились наконец
*Перед супругом двери **гроба**,*
И новый он приял венец [Пушкин 1995: 371].

К несогласованному приложению *гроба* можно задать вопросы: *двери (какие? чего?)*.

В ходе изучения языкового материала удалось установить, что несогласованные определения могут иметь метафорический характер:

*Причудницы **большого света**!*
Всех прежде вас оставил он [Пушкин 1995: 350].

Большой свет в романе – это светское общество, о котором повествует автор. К несогласованному определению ставятся вопросы: *Причудницы чего? Какие? Большого света*. Синкретичное определение выражено словосочетанием (модель прилагательное + существительное в родительном падеже).

Отметим, что в исследуемом материале несогласованные определения, в которых атрибутивная семантика осложняется свойствами дополнения, встречаются довольно часто. Эти предложно-падежные формы могут быть выражены именами существительными, местоимениями или словосочетаниями по типу согласование, а предлоги при синкретичных определениях чаще отсутствуют. При этом семантика синкретичных определений значительно богаче семантики согласованных определений в силу их структурного оформления и многозначности. А отличительные особенности стихотворного текста позволяют это увидеть наиболее ярко.

Изучение синтаксических конструкций романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» позволяет говорить о том, что атрибутивная семантика определений может быть осложнена не только объектным, но и обстоятельственным значением.

Рассмотрим подобные конструкции с помощью шкалы переходности, предложенной В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2010: 110].

А Аб АБ аБ Б

Конечные точки шкалы переходности (**А** и **Б**) – это полярные звенья. Звено **А** – согласованные определения, характеризующиеся типичным

набором свойств, звено **Б** – это обстоятельства. В центре находится зона **АБ**. Сюда мы относим конструкции, в которых синкретично переплетается атрибутивная и обстоятельственная семантика. В звене **Аб** атрибутивное значение выражено в большей степени, а в звене **аБ** у несогласованных определений преобладает обстоятельственное значение.

Следует отметить, что в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» наиболее употребительными являются согласованные определения, выраженные словосочетаниями по модели прилагательное + существительное:

Два раза в год они говели;
Любили ***круглые качели****,*
Подблюдны песни, хоровод… [Пушкин 1995: 371].

В словосочетании *круглые качели* выражен признак предмета. Это типичное определение с его дифференциальными свойствами.

Отметим, что такие словоформы, в которых однозначно можно выделить признаки определения, встречаются в романе А.С. Пушкина очень часто.

Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем что он равно зевал
Средь ***модных и старинных*** *зал* [Пушкин 1995: 358].

От главного слова *зал* задаём вопрос: *зал (каких?) модных и старинных*. Это определения, выраженные именами прилагательными, соединяются с существительным по типу связи согласование.

Такие определения служат средством выразительности для описания событий в поэтическом произведении и дают авторскую оценку повествованию.

В звене **Аб** несогласованные определения представляют собой переходные конструкции между определением и обстоятельством. В них атрибутивное значение осложняется обстоятельственной семантикой:

Он умер в час ***перед обедом****,*
Оплаканный своим соседом… [Пушкин 1995: 371].

К словоформе можно задать два вопроса: *в час какой? когда?* Субстантивные семы главного слова, существительного *в час,* свидетельствуют о преобладании атрибутивной семантики; обстоятельственное значение времени главного слова не подкрепляется лексико-грамматически.

Иногда обстоятельственная семантика может иметь значение места:

Так зайчик ***в озиме*** *трепещет,*
Увидя вдруг издалека
В кусты припадшего стрелка [Пушкин 1995: 391].

Значение определения осложнено обстоятельственной семантикой места: *зайчик какой?* и *где?*

Промежуточную зону **АБ** образуют словоформы, в которых уравновешиваются атрибутивное и обстоятельственное значения:

Он вас пленит, я в том уверен,
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки ***тайные в санях*** [Пушкин 1995: 409].

В приведённом примере семантика определения синкретично переплетается с обстоятельственным значением места: *прогулки какие? где?* Обстоятельственная семантика подтверждается наличием отглагольного существительного, от которого задаётся вопрос: *прогулки – прогуливаться*.

К зоне **аБ** мы отнесли примеры, в которых преобладает обстоятельственное значение. Атрибутивная семантика отходит на второй план:

И соловей ***во мгле древес***
Напевы звучные заводит [Пушкин 1995: 379].

Преобладание обстоятельственной семантики обусловлено наличием стержневого существительного *напевы*. Это существительное имеет глагольный компонент: *напевы (какие?) – напевать (где?) во мгле древес*. Атрибутивное значение можно выделить, указав на подчинение несогласованного определения главному слову, выраженному именем существительным *(напевы)*. В отглагольном существительном сохраняются атрибутивные семы, что позволяет говорить о свойствах определения у зависимой словоформы.

Звено **Б** образуют предложно-падежные формы с обстоятельственным значением. Эти примеры широко распространены в поэтическом произведении А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Встаёт купец, идёт разносчик,
На биржу *тянется извозчик…* [Пушкин 1995: 348].

Предложно-падежная форма *на биржу* относится к глаголу *тянется*. В этом примере словоформа семантически однозначна, имеет обстоятельственное значение места.

В некоторых случаях обстоятельственная семантика выражается словосочетанием по модели прилагательное + существительное:

Опять её прикосновенье
Зажгло ***в увядшем сердце*** *кровь,*
Опять тоска, опять любовь!.. [Пушкин 1995: 348].

Глагол *зажгло* является главным словом: *зажгло (где?) в сердце*; *в сердце (в каком?) в увядшем*. Важно, что это не просто сердце, а сердце увядшее. В словоформе *в увядшем сердце* выражены типичные признаки обстоятельства.

Обсуждение результатов

Рассмотренные случаи употребления объектных и обстоятельственных определений на примере произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин» позволяют говорить о богатстве их семантики и разнообразных способах выражения. Зафиксированные примеры показывают, что объектные определения выражаются словоформами, отличающимися своим семантическим разнообразием. Думается, что богатство компонентов предложно-падежных форм с атрибутивно-объектным значением обусловлено сложной структурой поэтического произведения. То же самое можно сказать об обстоятельственных определениях, отмеченных нами в ходе выборки. Это словоформы, в которых синкретично переплетается атрибутивное значение с обстоятельственной семантикой. Как правило, в таких примерах обстоятельства выражают значения места или времени. Шкала переходности позволяет классифицировать примеры с атрибутивным и обстоятельственным значением и описать типичные и синкретичные случаи употребления этих предложно-падежных форм.

В представленных примерах синкретизм выражен на грамматическом и лексическом уровнях. Несоответствие формы и содержания обусловливает синкретизм предложно-падежных форм, на уровне семантики – компоненты в составе словоформ выражают различные оттенки значений (места, времени и т.д.).

Часто синкретичные образования встречаются в языке поэзии. Как мы уже отмечали, это обусловлено особенностями стихотворной строки. Невыраженность семантики грамматическими средствами не затрудняет понимание поэтического текста, а наоборот, создает яркий эффект, что проявляется в усилении роли семантического плана. Синкретичные конструкции способны в поэтическом произведении передать максимум информации. Это способствует созданию семантико-стилистического богатства языка стихотворных произведений.

Заключение

В заключение отметим, что синкретичные определения имеют более богатую семантику, чем согласованные. В объектных и обстоятельственных определениях переплетаются различные синтаксические отношения, следствием чего является синкретизм предложно-падежных форм. Как показал проведённый анализ произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин», несогласованные определения имеют разнообразные способы выражения и отличаются богатой семантикой, использованием приема инверсии. Шкала переходности позволяет увидеть типичные и промежуточные образования в системе второстепенных членов предложения и проанализировать межуровневые переходы, т.е. переходы в системе языка по горизонтали.

Библиографический список

Бабайцева В.В. Теория синхронной переходности и функционально-семантическое поле / Избранное. 2005-2010: Сб. научных и научно-методических статей // Под ред. К.Э. Штайн. М.; Ставрополь: СГУ, 2010. С. 109-123.

Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 496 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию // Пер. с нем. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высшая школа, 2006. 407 с.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. 848 с.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманит. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 1994. 207 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика // Сост. А.Б. Муратов. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.

Пушкин А.С. Стихотворения: Поэмы: Проза / Сост. В.Н. Колосова. М.: Панорама, 1995. 784 с.

Максимов – Русский язык. Учеб. для студ. В 2 ч. Ч. 2. Состав слова и словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация / Под ред. Л.Ю. Максимова. М.: Просвещение, 1989. 288 с.

Тихомирова М.А. Несогласованные определения в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

References

Babaytseva V.V. The theory of synchronous transitivity and the functional-semantic field / Favorites. 2005-2010: Sat. scientific and scientific-methodological articles // Ed. K.E. Stein. M.; Stavropol: SSU, 2010. 400 p. - pp. 109-123.

Babaytseva V.V. The system of sentence members in modern Russian / Monograph. M.: FLINTA: Nauka, 2011. - 496 p.

Humboldt V. von. Selected works on linguistics // Trans. with him. G.V. Ramishvili. M.: Progress, 1984. - 400 pp.

Kasatkin L.L. A short guide to the modern Russian language. M.: Higher School, 2006. 407 p.

Lotman Yu.M. About poets and poetry. St. Petersburg: Art - St. Petersburg, 1996. - 848 p.

Mechkovskaya N.B. Social linguistics: A manual. for students humanities. universities and lyceum students. M.: Aspect Press, 1994. - 207 p.

Potebnya A.A. Theoretical poetics // Comp. A.B. Muratov. M.: Higher. school, 1990. - 344 p.

Pushkin A.S. Poems: Poems: Prose / Comp. V.N. Kolosova. M.: Panorama, 1995. - 784 p.

Russian language. Textbook for students In 2 hours. Part 2. Word composition and word formation. Morphology. Syntax. Punctuation / Ed. L. Yu. Maksimova. M.: Education, 1989. - 288 p.

Tikhomirova M.A. Inconsistent definitions in modern Russian: abstract. diss. ...cand. Philol. Sci. M., 2011. - 25 p.